

Загадки Библихина

Ахутин А. В.,
к. х. н, независимый исследователь,
akhutin@gmail.com

Аннотация: Философское уморасположение В. Библихина в глубоком родстве с мыслью М. Хайдеггера, тогда как его экзистенциальный облик едва ли не противоположен. Общее же в понимании мысли как послушного внимания событию бытия. В тексте намечены три аспекта такого уморасположения, оспариваемые автором. 1. Сознание — не только картезианский правитель, но и субъект нравственной рефлексии: совесть. 2. В «захваченности» как основном настроении послушного внимания таится оборот одержимости. 3. В политическом обороте захватывающего исторического события таится тоталитарная власть.

Ключевые слова: Библихин, Хайдеггер, событие, философия, государство, сознание, род, инакомыслие, захваченность.

Я не собираюсь делать доклад на одну из тем Владимира Библихина (В. Б.). Для меня В. Б. — человек, встреча с которым была не только одним из решающих событий жизни, он стал пожизненным собеседником, источником мыслящей энергии. Вчитываясь, вслушиваясь в речь Библихина, мы сразу же понимаем важнейшее: это не учение, не концепция, а непрерывно совершающееся событие мысли, речи, жизни. Так что можно только — если удастся — соучаствовать в этом событии ответным, собственным со-бытием.

Некогда Достоевский в речи о Пушкине сказал: «Пушкин <...> унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». Соблюдая пропорцию, я мог бы то же самое сказать о В. Б. для меня. Мысль, речь, жизнь, даже знакомый мне быт В. Б. — значимы, значительны как задача, подлежащая решению, как заданный нам вопрос.

Вот я и хочу рассказать о нескольких моих попытках в разгадывании Володиной мысли.

Чтобы сразу была понятна нешуточная острота вопроса.

Философ, которого В. Б. нашел, кажется, сначала в себе, а потом уж узнал в текстах, — один из крупнейших философов XX века Мартин Хайдеггер. Нельзя сказать, что он повлиял на Библихина, потому что Библихин словно всегда уже, даже еще до прочтения знал его, а читая и переводя, всего лишь припоминал.

Так вот этот философ стал скандалом века. В 1933 году он стал ректором Фрайбургского университета и вступил в нацистскую партию. Сейчас публикуется его философский дневник тех лет, и скандал только разрастается. Один из современных российских философов написал

статью с таким названием: «Философская ясность: Хайдеггер равно Гитлер»¹. То есть-де уравнение это — не публицистический бред, а философская ясность.

Тут меня поражает недоумение. Я знал Володю, смею думать, был дружен с ним: по всему складу личности, по манере думать и говорить, по быту и бытию — трудно представить что-либо более противоположное авторитарной персоне Хайдеггера, чем Владимир Бибихин. Нельзя, не повредившись тут же в уме, вообразить Володю Бибихина членом коммунистической (да и любой другой) партии, директором, положим, ИФ, профессором, претендующим на роль духовного фюрера русского народа. Скорее уж где-нибудь в ссылке или на нарах...

Как и положено мыслителю или поэту в России, вечером каждого — всегда, может быть, последнего — дня жизни В. Бибихин мог бы, как молитву, произносить:

Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин
И мглой, и холодом, и вьюгой.
В роскошной бедности, в могучей нищете
Живи спокоен и утешен.
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен.
Несчастлив тот, кого, как тень его,
Пугает лай и ветер косит,
И беден тот, кто сам полуживой
У тени милостыню просит.
(О. Мандельштам)

И тем не менее, мысль Бибихина буквально соткана, сплетена с мыслью Хайдеггера.

Со свойственной ему иронией В. Б. говорил о «деле Хайдеггера»: на него завели дело и напрочь забыли его собственное дело: философию, мысль. Но вся беда в том, что оба дела лежат в общей папке. Казус Хайдеггера — философский казус, дело о Хайдеггере есть дело о философии.

Философскую мысль обычно считают отвлеченной, лишая ее жизни, силы, ответственности, спасая от риска сорваться, провалиться. Но первое, о чем говорят нам слово и жизнь В. Б.: философия — это мысль, полностью захваченная миром, она предельно вовлечена в событие настоящего, вовлечена в поэзию не меньше, чем в политику, она погружена в хозяйственные заботы мира, обживаемого как свой собственный дом и пронизана всеми энергиями его бытия. Мысль же, мнящая себя возвышенной, всего лишь поверхностна.

Мы встретились в конце 60-х и подружались. Я не сразу заметил, что в поле наших общих интересов и пониманий мы занимаем едва ли не противоположные позиции. Я расскажу о трех таких оппозициях.

---

¹ Глухов А. А. Философская ясность: Хайдеггер равно Гитлер // Логос. 2018. Т. 28. № 3. С. 91–120.

1. Индивидуализм, персонализм (с моей стороны) против приоритета рода, народа, общего (со стороны, как мне казалось, Володи).

2. Автономия ясного сознания против захваченности событием.

3. Философия как диссидентское инакомыслие и государственность.

Я относил себя тогда и отношу по сей день к тому странному образованию российского общества, которое называют, а теперь чаще обзывают, интеллигенцией. Любой справочник нынче проинформирует: идейно озабоченная и беспочвенная «прослойка» между государством, церковью и народом, заслужившая бранные слова со всех этих сторон и в настоящее время, по собственному признанию, исчезающая.

В 70-е было иначе.

Само собой разумелось: интеллигенция хранит достоинство индивида от стирания в безличии «советского» или любого другого массового человека, это свободно и критически мыслящая личность, а не идеологизированный, политизированный представитель какой-то партии, говорящей от лица «народа» и «общего блага». Интеллигент — это человек, бодрствующий в сознании и самосознании, а не тонущий в слепом энтузиазме, в стихии общего дела. Так или иначе, он, интеллигент, всегда инакомыслящий, диссидент. Мой пафос питался отвержением советских идеологических штампов типа «Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества», «Общественное бытие определяет общественное сознание». Мой пафос питался ужасом перед «общественным бытием» архипелага ГУЛАГ (только что прочитанного). А «Исследование авторитарной личности» Т. Адорно, изданное в сборнике ИНИОН, казалось убедительной типологизацией «советского человека».

1. И вот я слышу следующее (курс «Язык философии»; В. Б. интерпретирует Гераклита).

«Нет надобности быть инакомыслящим. Инакомыслящий значит в греческом также беспамятный, потерявший ум, помешанный. Гераклит скажет, что особое мнение — падучая болезнь. Мы становимся людьми толпы именно тогда, когда отгораживаемся, обособляемся, — конечно, только в собственном воображении. Как раз обособление делает нас пылинкой толпы. Желание не походить на всех, отделиться делает человека одним из толпы, живущим по своему частному разумению»².

«Роды не индивиды. Роды раньше индивидов. Индивиды рождаются потому, что есть род, но роды не рождаются потому, что есть индивиды, и никакое количество рожденных индивидов не родит рода. Чтобы родился род (идея), нужно рождение, неизвестное природе»³.

Меня тут поражал не этот пафос рода, а полное, живое, можно сказать, персональное противоречие всему сказанному того, кто говорил. За всю свою долгую уже жизнь я не знал более уникальной индивидуальности, чем Володя, ведь он не только творец собственной мысли, но и собственного языка вплоть до грамматики. Это человек до мельчайших черт «в авторской редакции». Я не знал более свободно и рискованно мыслящего человека, чем Володя. С какой язвительной иронией ставит он на место казенную, школьную, диссертационную философию, как властно читает и переводит он классические тексты, будто бы никем еще толком не

---

² Бибихин В. В. Язык философии. М.: Прогресс, 1993. С. 111–112.

³ Там же. С. 257.

прочитанные (например, переводя платоновскую «идею» словом «род»). Это властное своеволие напоминает Толстого, о котором В. Б. написал книгу.

Намек на решение этого поразительного противоречия, разгадка находятся поблизости, в словах «Чтобы родился род (идея), нужно рождение, **неизвестное природе**». Речь не о той банальности, что индивид — часть рода, а о сократовской майевтике. Род (народ), которому принадлежит человек, не принадлежит природе, он должен быть еще рожден человеком, человек чреват, беременен собою — вместе со всем, чему он, кажется, давно уже принадлежит. Твоего народа, твоей нации, твоего государства, твоей церкви, твоего Бога — нет, если ты сам их не родишь в муках. И только в муках такого рождения можешь родиться ты сам.

Таковы и другие идеи-виды-роды сущего — они не абстракции наличных вещей, а рождаемые в уме и отпускаемые быть в мире, как отпускаются повзрослевшие дети.

2. Для Бибихина в деле мысли нет, кажется, более неуместного существа и более навязчивого противника, чем сознание.

«Когда все уже случилось, когда уже поздно и не нужно, когда история укатила дальше свое неостановимое колесо, тогда на опустевшую сцену вступает сознание и начинает с грехом пополам, не осознавая своего шутовства, «отражать» случившееся словно нарочно для того, чтобы история могла тем временем без свидетелей, все внимание которых отвлечено на запоздалый спектакль сознания, разыграть на новой сцене»⁴. «Не должно быть никакого «сознания». Это слово я слышу как признание поражения, как спущенный флаг, как согласие с упущением» (личное письмо, Яуза, 5.1.1996). В сознании «я сам себя ставлю как хочу, сам себя определяю»⁵, все расписываю, расчисляю, направляю. Даже, как Декарт, пишу для дарованного умения (*ingenium*) специальные руководящие правила (*regulae ad directionem*).

Но это запоздалое сознание давно уже определено сбывшимся за его спиной бытием. Бытие-таки определяет сознание, пусть не социальное бытие, не классовое, не расовое, а залегающее гораздо глубже. Где глубже, как залегают, каково оно — бытие, определяющее сознание и катящее себе дальше в истории? Вот к этому стоит присмотреться подробнее.

Бодрствующему самосознанию, которое хочет держать все под контролем, В. Б. противопоставляет самозабвенную захваченность. Как в детской захваченности игрой или горем, как в захваченности любовью или музами, человеком — в главном — движет не контролирующее сознание, а скорее уж инстинкт, чуткость, доверчивая вовлеченность в происходящее без страха и надежды, что вовремя подхватят. В этих событиях сквозь человека, не считаясь с ним, проходит ток божественной силы, спонтанное движение бытия, которое В. Б. называет «софийным (или мировым) автоматом»⁶. Это захватывает, и надо только уметь схватить, ловко поймать, усвоить послушно внемлющим умом смысл и слово происходящего. Такое если бывает, то в философии и поэзии. И когда В. Б. спросили в позднем интервью, кого он считает самыми значительными русскими философами, он ответил: Державина, Пушкина, Толстого.

---

⁴ Бибихин В. В. Философия и религия // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 35.

⁵ Бибихин В. В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. С. 300.

⁶ Там же. С. 325.

Для меня же тогда было важно именно сознание. Прийти в себя — значило прийти в сознание, осознать произошедшее в стране, мире и истории.

Во-первых, все значимое для человека безжалостно обнажается только в ясном — исповедальном и покаянном — свете сознания. Декартову формулу я читал так: «Я сознаю, постольку существую, а именно, как я, автор, ответственный виновник». Сознание есть признание себя не столько контролером, сколько ответственным виновником своей жизни, поступков, мыслей, слов. Сознание иначе называется *совесть*.

Во-вторых, движение сознания — противоположно захваченности, это отстранение в сомнении. Отстранение в том числе и от самого себя, так или иначе обусловленного. Быть собою — значит принять на себя бремя субъекта: не ссылаться ни на что постороннее, что меня захватило (как бы в порыве страсти) и происходит как бы *вместо меня*. Не ссылаться ни на время (историческое, «такое время было»), ни на место, где случилось родиться (страну, народ «такие нравы, такая ментальность»), ни на семью и другие обстоятельства жизни, ни на социум или инстинкты. Я есмь я, поскольку беру на себя честь быть единственным виновником, единственным ответчиком за то, кто я есть — что думаю-говорю-делаю. Иначе есть только некая совокупность нейрофизиологических процессов или социальных отношений, некая психосоматическая машина или роль в спектакле. Тогда в моем поступке нет «ничего личного», как в поступке чиновника, дельца или наемного убийцы. *Nothing personal it's just business*.

В-третьих, быть в сознании — значит именно не быть захваченным стихийными силами, а быть под «незакатным Солнцем», как говорит Гераклит, на виду, на позоре перед свидетелем и судьей, под вопросом: «Где ты, Адам?»

Центральной темой Бибихина, как и Хайдеггера, была тема *события*. То главное, к чему сознание всегда опаздывает, — это событие. Оно происходит с человеком (народом, миром), а не делается человеком. Он цитирует разговор Гейзенберга и Бора о захваченности немецкого общества в канун Первой мировой войны, о состоянии, которое Эрнст Юнгер назовет «тотальной мобилизацией»

Гейзенберг: «В таком всеобщем порыве есть что-то кружащее голову, что-то совершенно жуткое и иррациональное...» «Народ поднялся в ответ на мобилизацию, мало понимая, на что он идет, но впитав главное: началось нечто серьезное». Бор: «Разве всенародный порыв, свидетелем которого Вы были, не имеет совершенно явственного сходства с тем, что происходит, например, когда осенью птицы стаями тянутся на юг? Ни одна из птиц не знает, кто принял решение о перелете на юг и почему перелет происходит. Но каждая захвачена общим возбуждением, чувством стаи и счастлива, что может лететь, хотя для многих перелет кончится гибелью. У людей в подобном совместном порыве поражает то, что он, с одной стороны, стихийно несвободен, как, скажем, лесной пожар или любое другое естественное явление природы, а с другой — в поддавшемся ему индивиде он порождает ощущение величайшей свободы»⁷.

Мы с вами хорошо все это знаем по состоянию российского общества, захваченному музыкой сначала войны, а затем революции.

---

⁷ Бибахин В. В. Язык философии. С. 133–134.

Вот тут меня и останавливает опыт XX века, пережившего несколько таких всемирно-исторических событий: две мировых войны и две тотальных революции — нацистскую и большевистскую. Ведь захваченность имеет еще и другой оборот: **одержимость**.

Мы знаем на себе завораживающую силу такой одержимости и тотальной мобилизации. Стоит открыть Маяковского, вспомнить, что «единица вздор, единица ноль», вспомнить, как «каплею льются с массами», как могут быть «общими даже слезы из глаз». Тогда только редкая одинокая воля личного сознания, такая воля и сила, которой в полной мере был одарен В. Б., может остановиться, отстраниться от всех, «революцией мобилизованных и призванных».

После того, говорит В. Б., как событие свершилось, «публицисты подметают своим языком оставленный событием сор». Но ведь не только публицисты. Вместе с ними среди сора, развалин и трупов бродит сознание, свидетель и судья. Человек демобилизуется, возвращается домой, приходит в себя и пытается осознать, что произошло. Так, когда Хайдеггер после войны пишет «Письмо о гуманизме», Ясперс пишет «Вопрос вины», Т. Манн — «Письмо к немцам», П. Тиллих — «Потрясение основ», А. Солженицын — «Красное колесо». Для них событие не прошло. Более того, оно не состоялось, пока не вынесено суждение сознания.

3. На мои диссидентские проклятья государству Володя отвечал в декабре 1978 года. И пусть его слово останется здесь последним. «...На земле нет более яркого способа утвердить в нашей жизни божественное благородство, чем *staatgründende Tat*. Даже философия и поэзия, где тоже есть цари и где не случайно коронуют и увенчивают лаврами, уступают в этом смысле государству». «Левые не могут допустить, что даже если бы не было налицо их, да и вообще никаких индивидуальных хранителей нравственного сознания и чистоты, божественное величие все равно бы существовало, и единственным его символом было бы государство, охраняемое народным мифом о государе». «Если кто-то видит зло государства, это только говорит о том, что оно уже было до того, как стать злым. Европа пала (или падет) потому, что ее жители, став в основном левыми за последние полтора столетия, не захотели нести бремя государственности. Но без государства со временем не окажется и покрова для ее [Европы] искусств». «...Существует тайное родство между философом и государством, как между поэтом и царем» (письмо от 22.12.1978).

Ссылаясь на «Легенду о великом инквизиторе», я отвечал: «Реальное государство эксплуатирует человеческую слабость, которая всегда предпочитает надежного опекуна непостижимой свободе. Вот почему на лбу всех штаатбегрюндеров проглядывает язва самозванцев и узурпаторов». «Нужна, видимо, некая осмотрительность — потому и сказано: «бди и бодрствуй» — в полагании себя на везение. А нам русским (которые очень любят, чтобы их что-то и куда-то несло), а нам нынешним — в особенности. Мы уже выходили за рамки личности и в революционную стихию, и в единодушный порыв, и в строительство светлого будущего, и каплей лились с массами и участвовали в симфонии национальной личности, и были агентами исторического процесса, и какие там еще «объективные духи» ни предлагали нам расширяться в них».

«Вы имеете в виду <...> государство благоустроенного порядка. Даже оно хорошо для своих целей. Но — государство как миссия? Как захватывающее сознание общей исторической работы всех — профессора, рабочего, божьего артиста, следователя, etc?» «Государство — это вечная и роковая любовь философов. Хайдеггер, который сгорел в ней. Гегель. И это их главная любовь. Как я сказал: отнимите эту любовь философов — и ничего от него не останется, мокрое место».

«Как ввести в рамки поведения стадо разъяренных быков. Государство буйно и безмерно, оно отбросит всё, и нет выбора — иметь его или не иметь, огранич[ивать] или не огранич[ивать]. Как разогнанный состав, как несущееся стадо, его можно только повести впереди, если знаешь, как и куда, — или свалишься в канаву. А потом — все равно поплестись следом, потому что один человек не живет». «Но философы — провидцы, — из них Heid[egger], — которых уже нет с нами, сейчас далеко от нас в будущем, они впереди великих осуществлений следующих тысячелетий — осуществлений, которые, если не удадутся, то только потому, что люди опять окажутся обитателями придорожных канав, и опять будут доказывать, что ничего такого нет».

«И если Вы приписываете государству такую адскую силу <плодить мертвые души>, то получается, и возрождение мертвых должно произойти через государство, как захватывающее сознание общей исторической работы всех. Множество, составляющее государство, с его мощью и необозримостью, — аналог человеческих глубин; внушаемый им страх — аналог справедливого страха человека перед самим собой; влюбленность философов в государство — не их «слабость», а их главное свойство, глубина» (наброски к неотправленному ответу, которые теперь великодушно сообщила мне О. Е. Лебедева).

Литература

1. Биbihин В. В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. 536 с.
2. Биbihин В. В. Философия и религия // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 34–44.
3. Биbihин В. В. Язык философии. М.: Прогресс, 1993. 416 с.
4. Глухов А. А. Философская ясность: Хайдеггер равно Гитлер // Логос. 2018. Т. 28. № 3. С. 91–120.

References

1. Bibikhin V. V. "Filosofiya i religiya" [Philosophy and Religion], *Voprosy filosofii*, 1992, no. 7, pp. 34–44. (In Russian.)
2. Bibikhin V. V. *Sobstvennost'. Filosofiya svoego* [Ownership. Philosophy of own]. St. Petersburg: Nauka, 2012. 536 p. (In Russian.)
3. Bibikhin V. V. *Yazyk filosofii* [Language of philosophy]. Moscow: Progress, 1993. 416 p. (In Russian.)

4. Gluhov A. A. “Filosofskaya yasnost’: Hajdegger ravno Gitler” [Philosophical clarity: Heidegger equals Hitler], *Logos*, 2018, vol. 28, no. 3, pp. 91–120. (In Russian.)

Riddles of Bibikhin

Akhutin A. V.,
PhD in Chemistry,
independent researcher,
akhutin@gmail.com

Abstract: The philosophical disposition of the mind of Vladimir Bibikhin is deeply related to the thought of Martin Heidegger, but at the same time his existential character is almost directly opposite. What is common to them is the understanding of thought as the docile attention to the event of being. The text outlines three aspects of this disposition of mind, which all are disputed by the author. (1) Consciousness is not only the Cartesian ruler, but also the subject of the ethical reflexion, conscience. (2) In the “seizedness” as the basic frame of mind of the docile attention the turn of the possessedness is concealed. (3) In the political turn of the seizing historical event the totalitarian power is hidden.

Keywords: Bibikhin, Heidegger, event, philosophy, state, consciousness, kin, dissidence, seizedness.